

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА НАСЕЛЕНИЯ В 1941—1945 гг.

Галина Анатольевна ТКАЧЕВА,
кандидат исторических наук

Созданная в предшествующий период система перераспределения национального дохода в пользу отдельных социальных групп не претерпела существенных изменений в годы войны. Она включала гарантированное обеспечение по старости и потере трудоспособности, поддержку материнства и детства, семей военнослужащих.

Значительно расширился круг лиц, получавших пособия, пенсии и пользовавшихся различными льготами. Для участников войны время пребывания в армии, на флоте, в партизанском отряде засчитывалось как в общий, так и в непрерывный трудовой стаж. 26 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». Пособия назначались по месту жительства в зависимости от числа нетрудоспособных в семье в сумме от 100 до 250 руб. в городах и 50 % от этой суммы в сельской местности. Нетрудоспособными считались дети до 16 лет, братья и сестры при отсутствии других кормильцев, отец и мать старше 60 и 55 лет, близкие родственники, инвалиды I и II групп (независимо от возраста). В случае гибели или пропажи без вести воина за его семьей сохранялись все ранее предоставленные социальные пособия и льготы.

В то же время на основании приказов Ставки Верховного Главнокомандования за № 270 от 16 августа 1941 г. и № 227 от 28 июля 1942 г. семьи дезертировавших или сдавшихся в плен, самовольно отступивших с боевых позиций командиров и политработников подлежали аресту, а семьи красноармейцев лишались государственного пособия и помощи¹.

Безусловно, лишение государственной поддержки без достаточных оснований не отвечало провозглашенным принципам социальной справедливости. Однако при всех издержках и просчетах созданная система государственной поддержки помогала справиться населению с материальными трудностями. Средств на эти цели выделялись из всесоюзного, республиканского и местных бюджетов в суммах, которые увеличивались ежегодно и превысили только по линии государства за 1941—1945 гг. показатели 1940 г. в среднем в 3,8 раза².

Для лиц, призванных на Дальневосточный фронт, различного вида льготы были установлены с 1 августа 1941 г. и по мере расширения военных действий охватывали все новые и новые контингенты. В Хабаровском крае в декабре 1941 г. пособия получали 35,9 тыс. чел. и 3,5 тыс. чел. — денежные аттестаты. В сентябре 1944 г. из 144,6 тыс. учтенных семей военнослужащих обеспечивались государственными пособиями 58 тыс. и пенсиями — 8,5 тыс. семей³.

В Приморском крае с сентября 1944 г. по январь 1946 г. число семей рядового и офицерского состава, получавших пособия, колебалось от 35,2 до 25,3 %, пенсий — от 6,2 до 10,5 %. По отчетным данным, только за 1943—1945 гг. им было выплачено 106,9 млн. руб. денежных пособий и 24,5 млн. руб. пенсий из государственных средств (в среднем, соответственно, 93 и 160 руб. на семью), 193,4 тыс. руб. — из местного бюджета и 6,7 млн. руб. — из внебюджетных средств. Кроме того, из средств государства наиболее нуждавшимся было выдано (по далеко не полным данным) 54 тыс. детских продуктовых пайков, 44 тыс. м мануфактуры, 180 тыс. единиц различных вещей (из подарков американского народа)⁴.

Специальными постановлениями СНК СССР от 2 июля и 5 августа 1941 г. члены семьи военнослужащих оплачивали занимаемую жилплощадь и коммунальные услуги по льготным ставкам, а дети освобождались от платы за обучение в 8—10 классах средней школы, в техникумах и вузах. Кроме этого, предоставлялись различные льготы по налогам и обязательным поставкам сельхозпродуктов. Только за 1944 г. в Приморском крае 20,3 тыс. городских и 77,3 тыс. сельских семей были освобождены от уплаты военного налога, 14,7 тыс. — от местных налогов, около 18 тыс. семей — от обязательных поставок сельхозпродуктов. Для сравнения: за 1943 г. не облагались военным налогом 55,4 тыс. и сельхозналогом — 16,6 тыс. семей⁵.

Отмечая общую тенденцию увеличения объемов социальных гарантий, попытаемся в самых общих чертах представить ее адресную направленность. Разрабатывая данные отделов по государственному обеспечению семей военнослужащих, мы установили, что на 1 июля 1944 г. в Приморском крае получали пособие при одном трудоспособном 32,8 тыс. семей (81 % получателей пособий), при отсутствии трудоспособных членов семей — 7 тыс. (17,3 %

получателей пособий), в том числе 627 семей с четырьмя иждивенцами (9 % данной категории), причем одна треть их проживала в городских местностях. Получавшие пенсии по утрате кормильца на одного, двух и трех нетрудоспособных составляли почти равные величины. Из учтенных 18 тыс. многодетных семей имели четырех детей 8,5 тыс. семей (47,2 %), пять — 4,9 тыс. (27,2 %), шесть — 2,9 тыс. (16,1 %), семь детей — 1 тыс. (5,5 %) семей⁶. Таким образом, выплаты и льготы были наиболее ощутимы для малообеспеченных с низким душевым доходом.

Особое внимание уделялось охране материнства и детства. С 1 сентября 1942 г. устанавливался новый порядок выдачи пособий по беременности и родам и увеличивался отпуск (63—77 дней). Выплаты многодетным и одиноким матерям за 1941 — 1945 гг. составили 5,8 млрд. руб. (2,7 % от суммы расходов на социально-культурные мероприятия СССР), из них 1177 млн. руб. — по беременности и родам, на время ухода и кормления ребенка — из средств государственного социального страхования⁷. Бюджетные ассигнования после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» возросли почти в 2 раза по отношению к 1941 г., но все-таки не смогли решить проблему. Инфляционные процессы, ограниченность свободных товарных ресурсов фактически сводили на нет все усилия, направленные на улучшение материального положения женщин и детей.

Проверки на местах отмечали многочисленные факты нарушений законодательства по льготам для данных социальных групп. Продовольственные фонды для кормящих и беременных женщин спецназначением не выделялись, и торговые отделы распоряжались ими по своему усмотрению. Продукция подсобных хозяйств предприятий и организаций на дополнительное питание не отпускалась, и нормы выдачи пайков на эти цели всецело зависели от обстоятельств. Комплект белья для новорожденных изготавливался на сумму, более низкую, чем устанавливалось законодательством — 120 руб., при этом детское белье было низкого качества, ассортимент не соблюдался. В комплекте предусматривалось одеяло с пододеяльником, 1,2 м детской клеенки, 6 пеленок, по 2 простыни, распашонки, рубашки, кофточки, но в лучшем случае выдавалось 10—15 м ткани да и то по промтоварным карточкам⁸.

Безусловно, при всех издержках и недостатках предоставленные льготы стали реальной помощью в эти трудные годы. С другой стороны, впервые за все годы советской власти, труд женщины-матери приравнивался к труду женщины-труженицы. К концу 1946 г. только в Приморском крае почетное звание «Мать — героиня» имели 290 чел., орден «Материнская слава» получили 3074 чел., «Медаль материнства» — 5 586 чел.⁹

В дни тяжелых испытаний важно было не только увеличить материальную помощь семьям военнослужащих, но и помогать подрастающему поколению. Государственная сеть детских учреждений очень скоро переполнилась и не вмещала всех нуждавшихся. Открылись новые детские дома, дома младенцев, детские сады и ясли. В конце 1945 г. в Приморском крае работали 23 детских дома, включая 9 межколхозных домов с 1264 воспитанниками, 2 дома младенца на 250 чел., 2 школы глухонемых на 185 чел., лесная школа на 85 чел., 333 постоянных детских сада на 12960 детей и 247 детских яслей на 10650 коек. Только за 1943 — 1944 гг. было принято на учет 2216 детей, оставшихся без родителей, из них устроены в детские дома 645, переданы на воспитание в семьи 741 и усыновлены 511, оформлена опека на 152 ребенка и трудоустроены 167 подростков¹⁰.

Особую тревогу вызывала детская безнадзорность. Учреждения социальной опеки размещались в любых мало-мальски пригодных помещениях, старых и ветхих, требовавших капитального ремонта и замены. Они были переполнены настолько, что даже на двухъярусных кроватях в некоторых детских уч-

реждениях дети спали по двое. В среднем на одного ребенка приходилось 8,2 кв. м полезной площади, в том числе 4 кв. м — в спальнях. Отсутствовали изоляторы для больных, «красные уголки», комнаты отдыха, не хватало кухонной и столовой посуды, предметов первой необходимости. Снабжение осуществлялось по мере поступления соответствующих фондов, и, конечно, нормы выдачи не выдерживались.

В докладной записке уполномоченного Комитета партийного контроля по Приморскому краю Г. Косарева от 12 ноября 1945 г. отмечалось, что своевременных мер по исправлению положения не принималось. Особую тревогу вызывало сложившееся положение в детских домах и домах ребенка, где большинство детей раннего возраста были истощены и требовали особого медицинского ухода. Воспитатели не имели специального образования, да и тех не хватало. Старшие воспитанники выполняли обязанности обслуживающего персонала и воспитателей¹¹.

Последствием минувшей войны также являлась инвалидность, наступившая в результате ранений и заболеваний. К сожалению, ни в литературе, ни в доступных архивных материалах не удалось обнаружить данных об их общей численности. В ходе войны, по подсчетам историка Б.В. Соколова, из армии по инвалидности были уволены 3 млн. чел.¹²

Ряд правительственных актов предусматривал самые разнообразные формы оказания помощи тем, кто пострадал при защите Отечества. Инвалиды первой и второй групп освобождались от уплаты военного и сельскохозяйственного налогов, а также налога на холостяков. За работающими инвалидами сохранялась пенсия независимо от места жительства, размера заработка или дохода, а в случае наступления временной нетрудоспособности — пособия назначались в полном объеме без учета трудового стажа. В то же время на основании постановления СНК СССР от 20 января 1943 г. «О мерах по трудовому устройству инвалидов Великой Отечественной войны» инвалиды третьей группы, уклонявшиеся в течение двух месяцев от работы по направлению, лишались социальной поддержки и переводились на снабжение по нормам иждивенцев¹³.

Степень трудоспособности определялась врачебно-трудовой экспертизой (ВТЭК): к первой группе инвалидности относились лица, полностью утратившие трудоспособность и нуждавшиеся в постоянном уходе; ко второй — частично утратившие способность к профессиональному труду как по своей основной, так и какой бы то ни было другой профессии; к третьей группе — не способные к систематическому труду по своей профессии в обычных условиях, но которые бы могли выполнять другие виды работ или трудиться с сокращенным рабочим днем. Следует заметить, что группа инвалидности определялась по устаревшим нормам 1932 г. и не отражала действительного состояния здоровья дальневосточников в военный период.

К началу войны Приморский краевой отдел социального обеспечения обслуживал 9488 инвалидов по труду, 81 персонального и 376 пенсионеров гражданской войны, 68 инвалидов империалистической и 36 инвалидов военных столкновений после января 1938 г., 81 чел. — других контингентов. В середине 1944 г. на социальном обеспечении находились уже 19,9 тыс. чел., в том числе 13,9 тыс. инвалидов труда и 6 тыс. инвалидов Великой Отечественной войны (к концу 1945 г. инвалидов войны было 9 850 чел.)¹⁴. В Хабаровском крае в 1944 г. имелось 16,3 тыс. инвалидов, в 1945 г. — 19,5 тыс., включая соответственно по годам 5,5 тыс. и 7,3 тыс. инвалидов войны, которые проходили переосвидетельствование в 65 ВТЭК (инвалиды первой группы через шесть месяцев, второй и третьей — через три месяца)¹⁵.

Можно предположить, анализируя разрозненные статистические сведения, что на Дальнем Востоке инвалиды Великой Отечественной войны третьей группы составляли от 60 до 72 %, второй — от 34 до 29, первой — не более 1,5 % инвалидов, состоящих на учете. Общественно-полезным трудом были заняты от 70 до 94 % инвалидов, в основном третьей группы. На долю трудоуст-

роенных инвалидов второй группы приходилось 30—36,4 % состава данной категории, а среди лиц частичной дееспособности занятие имели единицы.

Следует отметить, что до 51 % инвалидов войны направлялись на дальневосточные предприятия тех отраслей, которые выполняли оборонные заказы и испытывали наиболее острую потребность в рабочей силе. Здесь более половины из них были заняты на основном производстве в качестве рабочих, до 20 % — служащих и 2,3 % инженерно-технических работников, остальные — в качестве младшего обслуживающего персонала.

В сельском хозяйстве работали 16,3 % от общей численности инвалидов, из них в качестве председателей колхозов, бригадиров и заведующих молочно-товарными фермами, счетоводов 23,5 %. Показательно, что в советских учреждениях были заняты 13,4 % инвалидов Великой Отечественной войны¹⁶.

Таким образом, большинство инвалидов имели или приобретали новые специальности и использовались как квалифицированные специалисты. В то же время трудоустройство отдельных категорий инвалидов было затруднено из-за состояния их здоровья, низкого образовательного уровня, отсутствия по месту жительства рабочих мест (возможности кооперации инвалидов были ограничены).

Инвалиды Великой Отечественной войны долечивались в больницах восстановительной хирургии, в физиотерапевтическом институте г. Владивостока, направлялись на санаторно-курортное лечение. Однако принимаемые для восстановления здоровья инвалидов меры носили ограниченный характер. Например, к началу 1945 г. из г. Биробиджана Амурской области санаторно-курортное лечение прошли лишь 19 чел., из Приморского края — 105 чел.¹⁷

Протезная мастерская Хабаровского края за 1943 — 1945 гг. изготовила 2,2 тыс. шинно-гильзовых протезов, 1,2 тыс. — комбинированных, 520 протезов рук, 1,6 тыс. пар ортопедической обуви, 2,7 тыс. штук обуви на протезы, 2,7 тыс. тростей, но не смогла удовлетворить потребности в них¹⁸. Владивостокская мастерская за 1942 — 1944 гг. выпустила более 4 тыс. изделий. При максимальной загрузке она могла выпускать до 200 протезов в месяц, тогда как требовалось не менее 900. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП (б) в ходе проверки установила, что мастерская снабжалась некачественным материалом, протезы имели непривлекательный вид, быстро изнашивались, не выдерживая сроков эксплуатации. Из-за отсутствия специалистов, которых вовсе не готовили, изделия сложных конструкций вовсе не производились¹⁹.

Безусловно, такое положение не способствовало повышению трудоспособности инвалидов. И в то же время в докладных записках особо отмечалось, что инвалиды (наблюдались далеко не единичные случаи) сознательно наносили себе травмы и уклонялись от лечения. Только в Приморском крае на 1 августа 1944 г. состояли на учете 1906 нигде не работавших инвалидов войны, из них 1 360 чел. в городах. Они перепродавали на рынках табачные и виноводочные изделия, общались с преступными элементами²⁰.

Уклонявшихся от работы лишали пенсии (до 1 % зарегистрированных инвалидов), однако это не решало проблемы, материальное положение инвалидов не улучшалось. Инвалиды снабжались не по гарантированным нормам, а в зависимости от местных условий. В колхозах лиц, утративших или почти утративших трудоспособность, снимали с государственного снабжения хлебом на том основании, что их должны снабжать из фонда колхозов, которых те не имели. Освобождение от работы члена семьи по уходу за инвалидом сразу ставило семью в тяжелое положение, лишая зарплату, гарантированного и дополнительного снабжения продовольственными и промышленными товарами.

Дома инвалидов обеспечивались по остаточному принципу. Например, в Хабаровском крае к 1945 г. было открыто 9 домов инвалидов на 710 мест, которые с 1941 г. не получали постельных принадлежностей, теплой одежды, обуви, кухонной посуды. В 1944 г. для всех домов инвалидов было выделено 2,3 тыс. м хлопчатобумажной ткани, 202 пары валенок. Зафиксированы случаи, когда инвалиды без нижних конечностей сами выполняли хозяйственные рабо-

ты или нанимали для этого за деньги и хлеб обслуживающий персонал. Недостаток питания приводил многих к истощению и преждевременной смерти²¹.

В связи с возросшим объемом работы и важностью поставленных задач, органы социального обеспечения были структурно перестроены и реорганизованы. В начале 1943 г. при СНК союзных, автономных республик были созданы управления, а при исполкомах всех уровней — отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих, которые подчинялись в своей деятельности соответствующим Советам депутатов трудящихся и Управлению при Совнаркоме РСФСР. Они занимались в соответствии с законодательством вопросами выплаты пенсий, пособий, трудоустройства и улучшения материального положения семей военнослужащих и демобилизованных из вооруженных сил. Заместитель председателя Совнаркома СССР А.Н. Косыгин осуществлял контроль и оказывал помощь в решении проблем по социальному обеспечению населения²².

К началу 1945 г. на Дальнем Востоке кроме 2 краевых отделов социального обеспечения, работали 115 городских и районных отделов (более 800 чел.) при большой текучести кадров (не менее 11,8 % в год) и общей их недостаточности (до 25 %, преимущественно младшего обслуживающего персонала)²³. Их состав постоянно изменялся, однако общая тенденция сохранялась, это можно проследить на примере Приморского края, где в городских и районных отделах были заняты 288 чел. (248 женщин и 44 мужчины) из них 154 чел. бывших советских, 9 партийных работников, 51 домохозяйка и 68 учащихся. Из общего числа 57 чел. (19,8 %) были членами ВКП(б), 62 чел. (21,5 %) — членами ВЛКСМ, 169 (58,7 %) — беспартийными; 2 чел. (0,7 %) — с высшим, 40 чел. (13,9 %) — средним, 127 чел. (44 %) — незаконченным средним и 119 чел. (41,3 %) — начальным образованием. Стаж работы в должности до трех лет имели 25,6 %, до двух лет — 41,5 %, до одного года — 32,9 %²⁴.

Таким образом, можно предположить, что в большинстве дальневосточных отделов социального обеспечения в основном работали женщины с низким образовательным уровнем и без опыта работы. В своей деятельности они опирались на добровольных помощников. Только в Приморье работали 879 бытовых комиссий, 91 совет жен офицеров, 263 колхозные кассы взаимопомощи, 101 тимуровская команда (3636 тимуровцев), 293 официальных общественных инспектора²⁵.

На общественных началах оказывалась значительная материальная помощь. Как правило, общественные фонды имели довольно крупные денежные суммы, большие объемы продовольствия, предметы первой необходимости, топливо; все это пополнялось добровольными пожертвованиями, отчислениями средств, заработанных и собранных во время проведения месячников, воскресников.

В Приморском крае только за 2,5 года войны были обследованы свыше 80 тыс. семей военнослужащих. На особом учете находились 14,3 тыс. многодетных и 10,6 тыс. семей, имевших инвалидов первой и второй групп, детей сирот, 38 семей Героев Советского Союза. По линии общественных организаций для семей военнослужащих было собрано более 1 млн. руб., 1,2 тыс. т продовольствия, подвезено 22 тыс. т топлива, выдано 320 голов скота, 3,5 тыс. поросят, а также 104 тыс. различных предметов одежды и 28,8 тыс. пар обуви²⁶.

Особенно эта работа усиливалась во время подготовки и обсуждения вопросов по оказанию помощи семьям военнослужащих на заседаниях партийных, советских организаций всех уровней. Например, в период подготовки вопроса на сессию Амурского областного Совета депутатов трудящихся к марту 1945 г. было выдано по линии государства и общественности единовременных пособий на сумму 1,3 млн. руб., 48,9 тыс. штук одежды, белья, 23,1 тыс. пар обуви, 4,7 тыс. кг хлеба, 54 т картофеля, 22,5 тыс. м мануфактуры, 2,5 тыс. кг мыла²⁷.

В годы войны просьбы об оказании материальной помощи дальневосточникам поступали во все инстанции. За 1943 — 1945 гг. органы социального

обеспечения Приморского края зарегистрировали 48,4 тыс. заявлений, а удовлетворили — 42,5 тыс. По характеру преобладали заявления о выделении малоимущим продуктов питания, одежды, обуви, топлива, денежных средств (59,2 % от всех поступивших заявлений), далее следуют просьбы об оказании денежной помощи для приобретения скота (24,7 %), жалобы на несвоевременное и неправильное назначение пенсий и пособий (9,7 %) и замыкают список ходатайства об устройстве на работу (1,5 %)²⁸. Следует иметь в виду, что в отделы социального обеспечения поступали жалобы и предложения, решение которых не входило в компетенцию данных органов. В результате решались такие вопросы по нескольким месяцам.

Таким образом, в годы войны возросла роль общественных фондов потребления в решении проблемы поддержания жизненного уровня дальневосточников. Заметно увеличились денежные выплаты пособий, пенсий и расширился круг лиц, имевших право на их получение. Одновременно увеличилась материальная помощь за счет внебюджетных средств. Различного рода выплаты и льготы предоставлялись без учета трудового вклада той или иной личности (хотя косвенная связь прослеживается) и, разумеется, были ощутимы для малообеспеченных категорий дальневосточников.

¹ Воен.-ист. журнал. М., 1988. № 8. С. 73—75; № 9. С. 23—28.

² Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941 — 1945. Стат. сб. М., 1990. С. 215.

³ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 119. Л. 111, 113, 114; Д. 1673. Л. 1.

⁴ Там же. Оп. 34. Д. 64. Л. 36; Ф. 1196. Оп. 1. Д. 206. Л. 16, 23.

⁵ Там же. Оп. 7. Д. 70. Л. 103; Оп. 34. Д. 64. Л. 37 об; Оп. 5. Д. 104. Л. 54.

⁶ Там же. Оп. 4. Д. 72. Л. 3, 4.

⁷ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне ... С. 215, 216.

⁸ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 152. Л. 133, 134.

⁹ Там же. Ф. 26. Оп. 22. Д. 17. Л. 31.

¹⁰ Там же. Ф. 1195. Оп. 5. Д. 206. Л. 26; Ф. П-68. Оп. 34. Д. 64. Л. 12.

¹¹ Там же. Ф. П-84. Оп. 1. Д. 52. Л. 6—16.

¹² Соколов Б.В. Правда или новая легенда? // Вопр. ист. 1990. № 3. С. 186.

¹³ Там же. Ф. 46. Оп. 81. Д. 13. Л. 11.

¹⁴ Там же. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 72. Л. 2; Д. 90. Л. 50; Оп. 5. Д. 104. Л. 49; Оп. 34. Д. 55. Л. 102.

¹⁵ Там же. Ф. 353. Оп. 4. Д. 71. Л. 48; Ф. П-331. Оп. 1. Д. 52. Л. 107; Д. 56. Л. 26; Д. 74. Л. 9.

¹⁶ Там же. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 104. Л. 89; ГАХК. Ф. П-331. Оп. 1. Д. 74. Л. 9 (Подсчит. авт.).

¹⁷ Там же. Ф. П-331. Оп. 1. Д. 56 Л. 26; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 90. Л. 50.

¹⁸ Там же. Ф. 353. Оп. 4. Д. 59. Л. 59; Д. 71. Л. 49.

¹⁹ Там же. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 3. Л. 77, 79.

²⁰ Там же. Оп. 4. Д. 73. Л. 29.

²¹ Там же. Ф. П-331. Оп. 1. Д. 48. Л. 36.

²² Там же. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 64. Л. 2.

²³ Там же. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1673. Л. 1; ГАПК. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 205. Л. 20.

²⁴ Там же. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 64. Л. 3; Ф. 1195. Оп. 1. Д. 206. Л. 28, 31 (Подсчит. авт.).

²⁵ Там же. Оп. 34. Д. 64. Л. 5.

²⁶ Там же. Оп. 34. Д. 64. Л. 36 об, 38.

²⁷ Там же. Ф. П-331. Оп. 1. Д. 71. Л. 50.

²⁸ Там же. Ф. П-68. Оп. 7. Д. 70. Л. 104; Ф. 1195. Оп. 1. Д. 206. Л. 25 (Подсчит. авт.).

SUMMARY: «Social Support of the Population» is the title of the article by Candidate of Historical Sciences Galina Tkachova. The author examines the system of redistribution of material income that was created during the Great Patriotic War. At this period there was a considerable increase in paying allowances, pensions from extra-budget means, and many people got them. By the way many payments and advantages were given without taking into account the work contribution one or the other person, and it was certainly appreciable by categories of the Far Eastern residents of scanty means.